

Мелодии и ритмы семейной жизни

На лондонских «Променадных концертах», крупнейшем ежегодном фестивале классической музыки, который проходит в британской столице уже 103-й раз, состоялась премьера «Четырех русских песен» Родиона Щедрина, написанных им для симфонического оркестра по заказу Би-би-си. С композитором и его женой Майей Плисецкой встретился наш лондонский корреспондент Ефим Барбан.

- Родион Константинович, какую музыку вы впервые услышали в своей жизни?

— С детства жил в атмосфере классической музыки. Более того, мой отец, профессиональный музыкант, давал частные уроки моей будущей матери. Дело кончилось браком. Так что и своим рождением я в немалой степени обязан музыке.

— Есть композиторы, которые, несмотря на обилие музыкальной продукции, всю жизнь пишут одно сочинение. Вы относите себя к их числу?

— На мой взгляд, легче подняться за волосы, чем изменить свою природу: сочинение музыки стало моей второй натурой. Но одежды поменять можно, что я неоднократно и делал. Иногда даже превращал это в своего рода музыкальный маскарад. Я не хотел рвать с музыкальной традицией, хотя и писал музыку, сближавшуюся с эстетикой авангарда. В круге моих интересов всегда оставался музыкальный фольклор. Я старался не забывать о вкусах и интересах зрителей.

— Что вы хотите донести до них?

— Я убежден, что музыка — единственное доказательство существования потусторонних миров, важнейший способ объяснить таинство жизни. Лишь музыка способна дать нам понять, что такое смерть, любовь, верность, предательство. Это самый выразительный вид искусства.

— Если так, пытаетесь ли вы передать в своих вещах какие-то внемузикальные идеи — философские, религиозные, общественные?

— Скорее всего, это происходит бессознательно. У меня полное ощущение, что когда музыка удаётся, кто-то мне ее диктует свыше. Вспоминаю, как Дмитрий Дмитриевич Шостакович говорил: «До сих пор не понимаю, как это я написал анданте из Восьмой симфонии?»

— Меня всегда интересовал один зигзаг вашей административной карьеры. Каким образом вы возглавили Союз композиторов РСФСР, не будучи членом партии? Даже Шостаковичу пришлось для этого вступить в КПСС.

Высот Ахломов

— У меня была индульгенция: я оказался в кресле, которое до меня занимал именно Шостакович, величайший композитор XX века. И я старалась вести себя, следя его примеру. Только сегодня мы говорили с Майей Михайловной, как Шостакович успевал всем помогать, за всех ходатайствовать, нередко унижаясь при этом... Шостаковича я знал с детства, мой отец недолгое время был у него секретарем. Он без конца помогал нашей семье. И мне помог с «Кармен-сюитой», которая после первого исполнения была запрещена, помог с «Поэторией» и другими сочинениями. Когда Дмитрий Дмитриевич был уже очень нездоров, он не раз говорил, что хотел бы видеть меня своим преемником на этом общественном посту. Надо сказать, что во время моего председательства у меня возникали серьезные проблемы, даже неприятности, например, когда я отказался в 1968 году подписать пись-

мо, одобряющее ввод наших войск в Чехословакию.

— Где вы сейчас живете?

— У нас два адреса. Один — Москва, где живет и моя мать, которой исполнился 91 год. С Москвой нас связывают квартира, дача, рояль, машина, нотная библиотека, фотоархив Майи Михайловны. Другой адрес — Мюнхен. В Германии мои издатели, агентство по защите авторских прав, чрезвычайно мне помогающее. Когда Майя Михайловна работала в Мадриде, будучи художественным руководителем Национального балета, естественно, мы подолгу жили в Испании.

— Вдохновляет ли вас жизнь на Западе?

— Она подхлестывает, работать приходится много, столько заказов, что не успеваешь их выполнять. Вот сейчас в лондонском Альберт-холле прошла мировая премьера сочинения, заказанного мне Би-би-си. В Лондоне же

состоялась премьера моего виолончельного концерта, блестяще сыгранныго Мстиславом Ростроповичем. Недавно в Цюрихе в прекрасном исполнении Максима Венгерова впервые прозвучал мой новый скрипичный концерт.

— Мне всегда казалось, что ваша музыка, особенно балетная, многим обязана Майе Михайловне Плисецкой.

— Абсолютно согласен. 2 октября мы отпраздновали сорокалетие нашей супружеской жизни. В этот день мы были в Чикаго на американской премьере моего скрипичного концерта. Без Майи Михайловны не только многое не было бы написано, но и музыка моя, наверное, была бы другой.

— Вы согласны с этим, Майя Михайловна?

— Я думаю, все обстоит немножечко наоборот: это Родион Константинович продлил мне сценическую жизнь. Полагаю, что как композитор он вполне мог бы обойтись без меня, а вот я без него — нет. Если бы не его балеты, я бы намного раньше ушла со сцены.

— Но вы и сейчас продолжаете танцевать.

— Я получаю много приглашений и для себя решила: пока публика хочет меня видеть, я буду танцевать. Совсем недавно в Афинах исполняла «Заклинание», которое в 1916 году поставила Рут Сен-Дени — она была педагогом Марты Грэхэм. Успех был грандиозный. Очень много танцевала в Японии, куда собираюсь в 26-й раз.

— Честно говоря, я не знаю балерины, которая танцевала бы так долго.

— Я тоже не знаю. Правда, в концертах до 80 лет танцевала Екатерина Гельцер. Вот она меня перешеголяла.

— А вам самой хочется танцевать?

— Если меня не будут приглашать, я уже и не захочу. Тут же оставил сцену. Всю жизнь я танцевала для публики. Многие говорят: я играю для себя, пишу для себя. Я ничего не делала на сцене для себя. Только для публики выхожу, только о ней думаю.

— Вы по своей воле стали балериной?

— Я бы покривила душой, если бы сказала, что хотела стать балериной. В детстве я мечтала о драматическом театре. Но в 8 лет меня отвели в балетную школу...

— Вы выделяете какое-то амплуа в своей карьере или считаете себя универсальной балериной?

— Я бы не называла себя универсальной балериной. Многие партии классического репертуара мне были про-

сто противопоказаны: например, такие очаровательные балеты, как «Коппелия» или «Щетная предосторожность». Да и самой мне это было неинтересно. Сюда же можно отнести и роль Жизели. Я избегала инфантильных героинь. Всю жизнь я хотела исполнять комедийные роли, но, к сожалению, их почему-то не было в репертуаре Большого театра. Второй этап моей жизни — уже не классика, а современные балеты: «Кармен-сюита», «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой».

— Которые вы сами и ставили?

— Ситуация в Большом театре была такой, что ставить их было некому.

Либо я сама должна была за них браться, либо эти балеты не появились бы. Талантливых хореографов в Большой театр просто не пускали. О чем говорить, если даже на моем вечере Григорович не дал мне танцевать «Болero» Бежара, дойдя со скандалом до правительства. За день до спектакля я не знала, танцую ли вечером. Так вот на раскаленных углях прошла моя жизнь.

— Насколько оправдано традиционное противопоставление вас Галине Улановой?

— С Улановой я постоянно выступала в одних балетах и даже снималась в кино. Мы танцевали разнохарактерные роли: к примеру, она Марию, я Зарему в «Бахчисарайском фонтане». Мне всегда было интересно с ней танцевать. Как партнер она чутко реагировала на мои реплики. Уланова была невероятно артистична. Мне казалось, что и ей было со мной интересно, она сама выбирала меня в партнеры. Улановой повезло, что она училась у Вагановой. Мне не повезло: в Москве всегда была плохая школа.

— Сравним ли зарубежный балет с нынешним российским?

— Сейчас балет на Западе замечательный. И совершенно очевидно, что он обогнал российский. На Западе прекрасные балетные школы и труппы, в частности, в парижской Гранд-оперы, две труппы — в Нью-Йорке. Там есть чему поучиться и нам.

— Недавно в Петербурге прошел балетный конкурс вашего имени. Приблизился ли кто-нибудь из его участников к тому, что делали вы?

— Танцовщицы на конкурсе были совершенно разные. Мне, например, очень нравится, как Чернобровкина танцует Кармен. Она это делает не так, как я. И танцуют они не хуже моего, а, может быть, и лучше. Но никто из них не достиг того уровня образности, который, как мне кажется, стоит за моими ролями.